

И ЛЮБОВЬ, И СМЕРТЬ В РОССИИ ЕСТЬ....

Валерий Дударев не торопил время, когда переступил жизненную черту зрелости. Он был молод – и этого ему помогла добиться его духовность. Он оставался независимым от времени. Я спрашиваю себя, почему? И ответ находится мгновенно. Он был поэт. Теперь он преодолел другую черту, за которой мы будем видеть и слышать его, потому что поэты не умирают. Они вечны, если они настоящие, а именно о таком поэте идёт речь. Сквозь строки на нас будут смотреть его глаза, излучающие сердечное тепло, будет заметна нисходящая улыбка, ощущаться мягкое рукопожатие. Все мы, кто знал и любил его, верим, что спустя неминуемо много дней и ночей мы встретимся и будем читать вместе стихи, да так, что нас будут слышать на небе и на земле.

* * *

Есть в России тихие долины,
Где горят огни, а вечер тих,
Это жгут подруженьки лучины,
Ожидая суженых своих.

Есть в России тихие погосты,
Где растут забытые цветы,
В небесах заботливые звёзды
Плачут, одиноки и чисты.

Даже в тёмном вихре снегопада
Мне снежинок ласковых не счесть.
Господи, чего же людям надо?!
И любовь,

и смерть
в России есть!

* * *

Осень.
Звёзды.
Тень причала.
Резкий след на вираже.
Я хочу,
чтоб ты молчала,
Недоступная уже.

С кузовком гвоздики алой
В полумраке вечных лип.
Я хочу,
чтоб ты молчала,
Словно я давно погиб!

Я хочу,
чтоб ты встречала
Тот последний пароход,
Что у этого причала
Никогда не пристаёт.

Только лилий одичалых
Упоительный изгиб!

Я хочу,
чтоб ты молчала.

Я хочу,
чтоб я погиб.

* * *

Бог со мной. И больше никого.
Спал потоп. Сияние земное
Катится. Я думаю о Ное,
Чей ковчег, приставший роково.

Господи, в пучину нет возврата!
Как же это вдруг произошло?!
Гулкое гуденье Арарата
Голубя поставит на крыло.

У случайно уцелевшей речки,
Что питала пропасти надясь,
В кущах светлоокие овечки
Станут одинаково пастись.

Где пахать и что потом посеять?
Хворосты таскаю на горбу.
Пусть потом слепцы и фарисеи
На мою позарятся арбу.

А пока – чумазый и премудрый –
В шалаше, где звёзднее всего,
Я займусь с девчонкой златокудрой
Продолженьем рода своего.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Есть высшая доля:

однажды,

Всю жизнь отложив на потом,
Пойти одиноким, миражным,
Просёлочным, диким путём.

Но в той навалившейся доле,
Когда опускается мгла,
Есть счастье добраться до поля,
Увидеть, как дремлет ветла,
Печальную кликнуть старуху
В глухом, в незнакомом селе,
Свою разделить с ней краюху
На этой вечерней земле,
А там уж, совсем по старинке,
Как будто столетья назад,
Испить из предложенной крынки
Под долгий, внимательный взгляд,
А после скупого прощанья
Услышать:

«Исусе, спаси!» –

Сдержат вековые рыдания
И дальше пойти по Руси.

ПОПЫТКА ПСАЛМА

Что на кресте, что на холсте –
Смешно и зримо!
Неповторимы муки те.
Неодолимы!
То в немоте, то в колготе,
А мимо, мимо!
Неповторимы храмы те.
Несотворимы!
Ни в пестроте, ни в тесноте
Иного Рима
Неповторимы взоры те.
Неопалимы!
Как одиночная мольба,
Звезды касаясь, –
Лишь повторяется судьба,
Не повторяясь.

* * *

Чужеземье миров и эпох,
Где всю ночь простоял не дыша...
Ветер плыл, серебрился и глож
В родниковой глуши камыша.
Так, наверно, звучала свирель
До игры, до рождения мглы...
Непролазная сельская сель,
Где тропинка цепляет стволы,
Где стряхнуть не посмеет рука
С подорожника гроздья росин,
Ни шмеля отогнать с василька.
Так, наверно, звучал клавесин...

* * *

Ю. Г.

Мне помнить вечное во мне.
Так бродит оторопь кругами.
Не в этом сне, не в этой гамме,
Но в этой белой тишине,
Что хлынет новою водой,
Ликуй, предательская нота!
Душа, достигшая чего-то,
Сладка, как клевер молодой.
О, очертанье глаз Иуды!
Зеленоглазые паскуды,
Вас обвенчают зеркала,
И ветра чёрные этюды,
И писем тонкая зола.

СЕНЬ

Россия не поёт.

Россия умирает.

Как мертвенно-бледны! – и брошены стога.
Безропотны леса...

И время замирает...

Ужели эта Русь была мне дорога?
Напрасно горевать, попутку ожидая, –
Отсюда не сбежать, не вырваться уже.
Лошадка на холме – понурая, худая,
Да несколько лачуг на дальнем рубеже –
И всё!

И так везде – без смысла, без подвоха
На сотни долгих вёрст, на сотни гиблых мест
На всех одна душа, на всех одна эпоха,
Лошадка, и стога, и лунный перекрест.
Кого искать в полях?

Пророка?

Скомороха?

Деревня умерла – не плачет, не болит.
Лишь у колодца хмур, лаская кабыздоха,
Далёкой той войны последний инвалид.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Моим стихам, написанным гортанно,
Как цокот птичий, засвист трелевой,
Не достаёт ракетниц, и фонтана,
И новгородской свары вечевой.

Филолог-Бог, кудесница Марина,
Когда птенец проклонется вот-вот,
Моим стихам не то что магазина –
Листа бумаги даже не найдёт.

В них птица вещая – привычная ку-ку,
Как дата смерти на чужом веку.

Поэт не Жуковский и царь не лесной,
Чьи дочери-вётлы – чужой стороной.

Мой Царь Лесной, а вдруг... и Вы нам
Земных забот?

Моим стихам, моим грехам и винам
Найдётся свой народ.

ПРОВИНЦИЯ

Пока вселеновы ковши
Над нами счастье проливают –
Ты целый мир любить спеша,
Куда б ни вывела кривая!
Прощанье – что?
Прощанье – дым!
Дымит, прощается эпоха.
Ты на земле необходим,
Здесь без тебя кому-то плохо.
Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из вёсен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире вёрст и вётел!
В забытых Богом городах
Который век кипит работа!
В них цел языческий размах,
В них византийское есть что-то.
В них вишня каждая цветёт
На грани ада или рая,
И отрок ясный пропадёт,
Судьбу Рублёва избирая.
Пока часовни на Руси
Ещё остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и короче!
Провинция!
Вот часослов!
Ни грай,
ни публика столичья
Не затемнят колоколов
Её скитаний
и величья.

* * *

Я не участвую в истории.
Весь исторический процесс
Моей не знает территории.
Здесь поле, стог, река и лес.
Хожу-ищу грибочки рыжие.
Солно на зиму огурцы.
И слава богу, снятся хижины
Гораздо чаще, чем дворцы.

БОГИНЯ

Какое пространство молчало!
Какие сбывались мечты!
Светило то жарко, то ало,
Стеснялось своей наготы.
То вёрсты,
То вётлы,
То ветры, –
О, даже при мысли о Ней! –
То самые тёмные ветви
Тотчас становились темней.
То золы каминные пели
В трубе, словно в царстве теней.
В лесах погребальные пеплы
Кострищ становились темней.
Лучам Её не было ниши!
Надтреснута завязь в узле!
Слабея,
темнее и тише
Мы ждали Её на земле.

ГЕНИАЛЬНОЕ

Неутолимо хванчкары
Глоток упрям, родим и светел,
И серебрят меж вётел ветер
Сонеты солнечной игры.
Напитан звуками клавира,
Форель бурна, овечка блеет –
И в этом жизнь.
Так любит мир.
Но лишь поэт любить умеет.
Когда, судьбу свою итожа,
Он различает –
час настал!
Любовь и смерть –
одно и то же!
И возникает мадригал.